

Г. И. Королёв, д. и. н., Москва

РЫБЫ В НОВГОРОДСКОМ ГЕРБЕ

Одним из путей изучения конкретных эмблем и целых категорий знаков является анализ отдельных фигур и типов фигур.

В сфере новгородской эмблематики недавно были подробно исследованы "лютый зверь" на печатях XV в.¹ и "степень (место)" на печатях XVI в.²

История рыб новгородского герба специально не исследовалась. Рыбы только упоминались. Вопрос о новгородских рыбах возник лишь в последние годы.³

Самое раннее упоминание о рыбах в новгородской эмблеме содержится в летописной записи под 1565 г. о повелении царя изготовить печать для новгородского наместника, на которой, в частности, должна быть изображена "под местом рыба"⁴. Наместничья печать дошла до нашего времени только в виде изображения на государственной печати Ивана Грозного, датированной новейшими исследователями 1577—1578 гг.⁵ На этой государственной печати территориальные знаки окружают центральную фигуру — двуглавого орла.

Анализируя печать Ивана IV, Н. А. Соболева предположила, что рыбы на ней были известными знаками христианства и представляли выражение одной из идей в рамках комплексов идей. Она сделала также вывод, что эмблемы на государственной печати — это "скорее символы идей, а не символы территорий"⁶. Непонятно в таком случае, почему рыбы фигурируют в трех местах государственной печати — в новгородской, ярославской и белозерской эмблемах. Вообще, символизация идей вполне может быть символизацией территорий, и что бы ни означали подразумеваемые эмблемы, надписями, сделанными вокруг каждой из них, они привязаны к территориям.

В последнее время в скандинавской печати появились работы, в которых рассматриваются связи между государственными эмблемами России, Финляндии, Швеции и Польши⁷. Из этих работ следует выделить статьи Д. Линда, в которых излагается интересная гипотеза происхождения части фигур новгородской эмблемы⁸.

Исходя из оценки обстоятельств Ливонской войны, Линд утверждает, что рыба на новгородской наместничьей печати была взята из герба завоеванной в 1558 г. Нарвы. Иначе говоря, речь идет о роде трофея. Включение герба вновь присоединенной территории в герб или печать нового владельца было делом вполне обычным в Европе и до, и после XVI в. Кстати, М. А. фон Таубе подобным образом объяснил появление грифона как герба Романовых во время той же Ливонской войны⁹. Гипотезой Линда можно объяснить, почему в летописи говорится об одной рыбе. Дело в том, что на нарвской печати изображалась рыба, над которой помещалась корона. Эта печать была заведена еще в конце XIV в. — во время датского правления в северной Ливонии¹⁰.

Линд все время пишет о “рыбе”, т. е. об одной рыбе. Однако на упомянутой печати Ивана Грозного в “печати наместника Великого Новгорода” рыб две. С эмблематической точки зрения “две рыбы и никаких корон” существенно отличаются от композиции “рыба и корона”. Это разные эмблемы. Кроме того, на новгородской “печати” линия “места” образует линию между “берегом” и “водой”. Следовательно, новгородский икhtiологический элемент по меньшей мере не копирует нарвский даже в летописном описании, не упоминающем о короне. На государственной печати различие еще больше. Гипотеза Линда правдоподобно объясняет первоначальный мотив к изображению рыбы, но недостаточна для более полного истолкования происхождения икhtiологической части эмблемы. Не следует исключать возможность независимого от нарвской печати происхождения новгородских рыб, хотя и совпавшего с периодом русского обладания Нарвой. На печати Ивана IV рыбами обозначены Белозерск и Ярославль. Обращает на себя внимание то, что все три “рыбных” символа связаны с местностями богатыми рыбой. Побывавший в России в 1588-1589 гг. Д. Флетчер писал: “Города, замечательные по рыбной ловле, суть: Ярославль, Белоозеро, Астрахань и Казань”¹¹. Подобные оценки давали другие иноземцы, в том числе и позднее. Так, А. Олсарий сообщал о “богатой рыбою” реке Волхове¹².

Линд пишет, что помещение рыбы под “типичными русскими символами власти - местом и посохом - должно было напоминать шведскому королю, что правителем в Нарве стал Иван IV”¹³. Если использовать логику Линда, то можно предположить, что две обращенные друг к другу рыбы на печати царя обозначали Нарву и Ивангород, имея в виду, конечно, что Ивангород был русским городом. Можно, однако, понимать рыб под “местом” и как указание на местоположение Новгорода у Волхова и близ Ильмена. Расположение рыб внизу эмблемы, под “местом”, совершенно естественно, особенно, если они в “воде”. Помещение их над “местом”, например, было бы не столь естественным.

Нельзя исключать, что поначалу введение “трофейной” рыбы должно было показать новую подвластность Нарвы, и поэтому летопись сообщает об одной рыбе. В дальнейшем же произошло слияние (так наз. контаминация) трофейного символа с символизацией Новгорода по его примечательным рыбным запасам и по местоположению. В общем, конечно, из-за отсутствия прямых свидетельств определенно говорить о происхождении новгородских эмблематических рыб нельзя.

Икhtiологический мотив развивался. Н. Г. Порфиридов опубликовал печать из собрания Эрмитажа, датированную им концом XVI—XVII вв. и в общей форме отнесенную к XVI в.¹⁴. На этой печати “место” изображено без его держателей, но зато под ним помещено три рыбы. Д. Линд опубликовал такую же печать при документе 1611 г.¹⁵

Видимо ее же подразумевает роспись государственных печатей времен Алексея Михайловича, содержащая пояснение, что “под местом озеро да три рыбки”¹⁶. Упоминание озера примечательно как возможное свидетельство о конкретной географической привязке эмблемы, по крайней мере, во второй половине XVII в. Отметим, что в 1746 г. “ведомость” о Новгороде, присланная в ответ на вопросник Герольдмейстерской канторы, была

сопровождена печатью с тремя рыбами¹⁷. Трехфигурный элемент представляет собой две противоположащие рыбы и одну, обращенную влево, рыбу под ними. Смысл появления третьей рыбы толковать не берусь.

Некоторые предметы XVII в., вроде тарелки Алексея Михайловича, украшены новгородским гербом без рыб, скорее всего потому пропущенных, что малого размера рисунки нанесены на твердый материал¹⁸. На мягком материале саадачного покровца Михаила Федоровича в новгородском гербе видны две рыбы¹⁹. В Титулярнике 1672 г. рыб тоже две. Здесь они раскрашены следующим образом: бело-сероватые рыбы с красными плавниками и хвостами противоплывут в светло-голубой воде²⁰.

Чрезвычайно интересную деталь сообщает нам указ о построении знамен с "печатами государств" от 13 октября 1668 г., в котором в описании новгородской части имеются слова: "Под престолом две рыбы лодоги"²¹. "Лодога" ("лудога" и т. п.) — форма сига. Именование, в данном случае новгородских рыб, показывает, что в XVII в. уже существовал тот принцип выбора символов для территориальных гербов, который получил широкое распространение с XVIII в. — показывать реалии местностей, хозяйственной деятельности и т. п. Упомянутая ведомость 1746 г. извещала, что в новгородских реках и озерах "партикулярных рыб родов изобилие находится... да особливо на ладожских порогах и в Волхове сивов и сыртей"²².

Выделение сига среди рыб в известной мере присуще новгородскому искусству и более раннего времени. М. М. Постникова-Лосева показала мотив сига на предметах из драгоценных материалов XVII в.²³ Она отметила композицию из трех и шести рыб, в частности, в источнике, упоминающем предметы новгородского епископа Евфимия (XV в.) с изображениями рыб, включая композицию "по три рыбки"²⁴. Не к этой ли традиции следует отнести печати с тремя рыбами? Даже если рыба для печати новгородского наместника в XVI в. была взята у завоеванной Нарвы, то она органически вошла в уже существовавшую в Новгороде традицию изображения рыб²⁵, в рамках которой она положила начало сфрагистическо-геральдической линии. Позднее, с XVIII в., рыбы ценных видов станут довольно характерными для русской геральдики²⁶.

Эмблемы XVI и более ранних веков иногда безоговорочно называют гербами. Нет твердых оснований говорить о гербах у нас в эти века как об отдельной категории знаков. В XVII в. герб уже определенно был отдельным родом эмблем. Это относится не только к государственному гербу, но и к территориальным эмблемам. Например, в описи знамен 1687 г. отмечено: "по правую сторону (от двуглавого орла — Г. К.) герб Новгородский"²⁷.

В конце XVII - первой трети XVIII в. сосуществовали два варианта окончности новгородского герба, хорошо представленные на грамотах, украшенных титульными гербами. Так, на грамотах стольнику Ф. В. Шилову 1696 г. и генеральному писарю Малороссийского войска С. Савичу 1718 г. в новгородском гербе рыб нет, причем в первом случае окончность представляет собой голубую "воду", а во втором она зеленая²⁸. Безрыбный вариант обнаруживают гербы в диевнике Корба 1699 г. и на знаменах Новгородских полков 1712 и 1729 - 1730 гг.²⁹ На грамоте П. А. Толстому 1709 г. в новгородском титулярном гербе изображены две

рыбы в белой “воде”³⁰. Интересно, что на одной грамоте Мазепе 1703 г. в новгородском титульном гербе изображены две рыбы с золотыми головами, плавающие в воде цвета морской волны, на другой грамоте ему того же года нет ни рыб, ни воды, а медведи и престол стоят на зеленой земле³¹.

При Петре I появился и третий вариант. В описании государственного герба, а точнее “герба его императорского величества”, составленном на французском языке товарищем герольдмейстера графом Ф. Санти и подписанном им 5 сентября 1722 г., о титульном новгородском гербе сказано: “серебряное поле; в лазуревой волнистой оконечности, или реке плавают четыре серебряные рыбы друг против друга, две и две”³². Этот вариант использован в гербе на грамоте Екатерины I генерал-фельдмаршалу М. М. Голицыну 1725 г. в виде подварианта: две верхнего ряда рыбы меньше двух рыб нижних³³. На грамоте Анны Ивановны Троице-Сергиеву монастырю 1731 г. рыбы одинаковы³⁴. Этот четырехрыбный вариант утвердился. Для примера можно сослаться на герб на грамоте П. В. Завадовскому 1779 г. (4 одинаковые рыбы с красным оперением в голубой воде)³⁵.

Четыре рыбы были приняты для утвержденного 16 августа 1781 г. новгородского герба³⁶. Однако в описании рыбы не упомянуты. Этот существенный недостаток описания объясняется тем, что оно повторяет описание знаменного герба 1729—1730 гг., в котором, как было сказано выше, рыб не было. Заметим, что и после утверждения герба губернского города Новгорода рыб иногда пропускали. Так, на одной из грамот Павла I 1800 г. есть голубая вода, а рыб нет³⁷. За счет рыб герб был упрощен на клеймах новгородских мастеров для изделий из драгоценных металлов, употреблявшихся в 1738—1862 гг.³⁸ Но это все же были исключения.

Последнюю стадию развития ихтиологической части новгородской эмблемы представляют две серебряные рыбы в лазуревом поле в гербе Новгородской губернии, утвержденном 8 декабря 1856 г.³⁹ На этот раз рыбы в описании названы. Количество рыб приведено в соответствие с количеством, фигурирующем в Титулярнике 1672 г. Вид рыб не назван и определить его по рисунку невозможно.

Возникшая в середине XVI в. ихтиологическая часть новгородского знака развивалась прежде всего как варьирование числа рыб (1, 2, 3, 0, 4). В середине XIX в. возникло различие между количеством рыб в городском и губерньском гербах. В новгородском символе “рыбный” элемент оказался самым подвижным из всех его элементов.

Новгородский герб включался в другие гербы. В верхних частях гербов уездных городов Новгородской губернии помещалась часть губерньско-городского герба Новгорода — без рыб. Как титульный герб новгородская эмблема была включена в государственный герб. В составе последнего новгородский герб существовал в “губерньской” форме, т. е. с двумя рыбами.

Новгородский герб был включен в родовые гербы Хованских, Голицыных и Куракиных. В гербе Хованских новгородский герб с четырьмя рыбами в “реке” занимал вторую и третью части⁴⁰. Новгородский герб напоминал о родословной легенде, по которой один из Гедиминовичей -

родоначальник Хованских — появился в Новгородской земле в конце XIV в. К тому же Гедиминовичу возводили себя Голицыны. В прошении А. М. и Н. М. Голицыных 1790 г. о записи их в родословную книгу содержалось описание их герба со словами: “внизу щита в зеленом поле четыре рыбы”⁴¹. В “Общий гербовник дворянских родов” герб Голицыных был внесен с новгородским гербом, но без рыб, и в таком же виде новгородский элемент был зафиксирован в гербе Куракиных⁴².

История рыб новгородского герба интересна обстоятельствами возникновения и последующим развитием. Богатством событий ихтиологическая часть этого герба превосходит, вероятно, все другие русские территориальные эмблемы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Клейнберг И. Э.* “Лютый зверь” на печатах Великого Новгорода XV в. // Сподомогательные исторические дисциплины. Л., 1969. Вып. 2.

² *Порфиридов Н. Г.* Новгородская “вечевая” печать // Там же.

³ Кратко вопрос затронут в работах: *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII-XIX вв. М., 1981. С. 162-163; *Королев Г. И.* Рыбы в русских территориальных гербах // *Гербовед.* М., 1995. № 1 (7). Ссылки на работы Д. Линда см. ниже.

⁴ Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 13. С. 398.

⁵ По Н. А. Соболевой, “наиболее вероятная дата” создания печати - 1577 г. (*Соболева Н. А.* Русские печати. М., 1991. С. 214.), по Д. Линду - между июнем 1577 и августом 1578 гг.) *Линд Дж.* Большая государственная печать Ивана IV и использованные в ней некоторые геральдические символы времен Ливонской войны // *Архив русской истории.* М., 1994. Вып. 5. С. 209.

⁶ *Соболева Н. А.* Российская... С. 163, 167. Эта идея повторена в: *Соболева Н. А., Артамонов В. А.* Символы России. М., 1993. С. 32. Развернуто истолкование символики в указанном ключе см.: *Соболева Н. А.* Российская... С. 160—167.

⁷ *Pipping K.* Mera om Finlands, Karelens och Novgorods vapen // *Historisk Tidskrift for Finland.* Helsingfors, 1982. Nr. 4; *Tengstrom L.* Till fragan om Finlands vapen // *Finskt museum* 1981. Helsingfors, 1983. Arg. 88; *Pipping K., Tengstrom L.* Huset Vasa, Jagellonerna och Ivan IV Vasiljevitch: Nagra hypoteser om de svenska lanskapsvapnens uppkomst // *Heraldisk Tidskrift.* Kobenhavn, 1984. С. 49—50. Halvbd. 1.

⁸ *Lind J.* “Ryssesablen”, “Finlands Bjorn”, Novgorods. Love samt nogle fisk: En strid pa vaben // *Historisk Tidskrift for Finland.* Helsingfors, 1983. H. 4; id. Ivan IV's great state seal and his use of some heraldic symbols during the Livonian war // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas.* Munchen, 1985. Bd. 33; *Линд Дж.* Указ. соч.

⁹ См.: *Таубе М. А. фон.* К истории герба дома Романовых (Догадка о происхождении романовского грифа). // *Гербовед.* СПб., 1913. № 7.

¹⁰ Изображения печатей Нарвы см.: *Hansen H. J.* Geschichte der Stadt Narve. Dorpat, 1858. S. 16-17, 96-98. Материал этой книги воспроизводится в других работах.

¹¹ *Флетчер.* О государстве Русском. 2-е изд. СПб., 1905. С. 16.

¹² *Оларий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введ., примеч. указ. А.М. Ловягина. СПб., 1906. С. 125.

¹³ *Линд Дж.* Указ. соч. С. 221-222.

¹⁴ *Порфиридов Н. Г.* Указ. соч. С. 193.

¹⁵ *Lind J.* Ivan IV's...Fig. IV.

¹⁶ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Ех. 359. Л. 2. Это место цитирует Соболева в ее “Российской...геральдике”. С. 168.

- ¹⁷ РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Е. х. 41. Л. 101 об.
- ¹⁸ Четкое воспроизведение см.: *Соболева Н. А.* Российская... С. 231.
- ¹⁹ Четкое воспроизведение см.: Там же. С. 230.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 135. Отд. 5. Рубр. 3. Е.х. 7. Л. 56.
- ²¹ Древности Российского государства. Дополнение к III отделению. Русские старинные знамена / Сост. Л. Яковлев. М., 1865. Приложение. С. 41.
- ²² РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Е. х. 41. Л. 29 об.
- ²³ *Постникова-Лосева М. М.* Русское ювелирное искусство: Его центры и мастера XVI-XIX вв. М., 1974. С. 51-53.
- ²⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М., 1950. С. 411, 413.
- ²⁵ М. М. Постникова-Лосева, ссылаясь на опубликованный археологический материал, отмечает предмет с изображением сига XII в.
- ²⁶ См.: *Королев Г. И.* Указ. соч.
- ²⁷ Описание Московской Оружейной палаты. М., 1884. Ч. 3. кн. 1. С. 45.
- ²⁸ См. например: РГАДА. Ф. 154. Оп. 4. Е. х. 94
- ²⁹ См. соответственно: *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.) / Пер. и примеч. А.И. Малеина. СПб., 1906; Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1899. Ч. 2. Таб. 244, 259.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 135. Отд. I . Рубр. IV. Е. х. 55.
- ³¹ Там же. Е. х. 53, 52.
- ³² Там же. Ф.171. Оп. 1. Е.х. 14. Л. 1 об. - 2, 4 (два экземпляра).
- ³³ Факсимиле см.: *Лукомский В. К.* Жалованные грамоты XVII и XVIII веков // Старые годы. СПб., 1913. № 7-9. После с. 170.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 154. Оп. Е. х. 79.
- ³⁵ Там же. Оп. 3. Е. х. 79.
- ³⁶ ПСЗ. 1-е собр. СПб., 1830. Т. 21. № 15209.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 154. Оп. 3. Е. х. 134.
- ³⁸ Факсимиле см.: *Постникова-Лосева М. М.* Указ. соч. С. 269.
- ³⁹ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи. СПб., б. г. Ч. 1. Л. 1, 1 об.
- ⁴⁰ С. Т. О гербе князей Голицыных // Гербовед. СПб., 1913. № 4. С. 60.
- ⁴¹ Общий гербовник...Ч. 1. Л. 2, 3.